

Валерий Иванов

Портрет "Незнакомка"

16+

Валерий Иванов

Портрет «Незнакомка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64501177

SelfPub; 2021

Аннотация

Эта история рассказывает о том, как создавалась картина художника И.Н. Крамского "Неизвестная". Кто был его вдохновителем и, наконец, кто на самом деле изображён на этом портрете.

Содержание

Валерий Иванов

Портрет «Незнакомка»

После полудня. Красноярская зимняя погода суровой Сибири давала о себе знать. Люди укутывались в полушубки как могли. Единственное, что облегчало переносимость таких зим, начинавших обживать осторожно места между устьями рек Кача и Енисей, – это безветренный сухой климат.

Жителей после освоения этих земель насчитывалось не более пятидесяти тысяч человек, большую часть которых составлял «чуждый элемент» советской страны, из-за усиленных репрессий начавшихся с конца двадцатых годов XX века. Со своими нравами и правами.

СИБУЛОН, первый енисейский лагерь, занимался полеводством, животноводством возведением железнодорожных веток и путей. Нередко даже в условиях с недостаточности правильной организации, но где основной обязанностью для процветающей страны являлась золотодобыча.

Соккрытие главных ресурсов коммунистической страны было не редкостью и после тридцатых годов привело к ужесточению мер к репрессированным. До этого первый начальник, член ВКП (б), старался не злоупотреблять властью и отчасти скрывал золотые рудники, обнаруженные его людьми, дабы не усердствовать с организацией по добыванию драг-

металла, оберегая свою нервную систему. О нем в будущем еще вспомнят. Но пока суровый зимний климат с отметкой в конце января 1932 года -46°C приостанавливал лишь некоторые работы, связанные с сезонной распланировкой.

Жилые комплексы Сиблагеря располагались по отношению друг к другу на различном расстоянии. Похожие на избы, внутри они были переделаны так, что напоминали бараки с общими спальнями, уличным отхожником¹, местами приготовления пищи, где проходы зачастую были перекрыты сушащимся бельем.

Как напоминание о том, что все делается ради трудового советского народа, отодвигая пусть ненамного тягость политзаключенных, издавалась периодика, выходявшая небольшими буклетами. В штабе начсублага² на стене висела стенгазета, оставшаяся со времен Красной Армии, ретушированная местным художником Софией Крамской-Юнкер.

Последние дни февраля этого года спад заморозков определил ветреность начала марта.

В кабинете Чунтонова над столом висел портрет Сталина слева, справа – портрет бывшего главы ГПУ Дзержинского, отличаясь от фотоизображения вождя тем, что был нарисован от руки.

В один из полдней, когда солнце заливало светом каби-

---

¹ Туалет, сортир.

² Начальник сибирского лагеря.

нет, начальник лагеря рассматривал документы управления, прибывшие из Ленинграда. К трем часам на пороге появилась женщина, сухонькая, лет шестидесяти, с выпученными глазами.

– Вызывали, Михаил Митрофанович? – с испуганным взглядом спросила женщина.

Мужчина поднял взгляд от бумаг, встал, поправил портупею. Вышел из-за стола, снял фуражку, положив ее на край стола без бумаг, провел ладонью по коротко стриженной голове.

Чунтонов годился в сыновья художнице. Он внимательно посмотрел на женщину, в его взгляде не выразалось то сожаление, которое он испытывал к заключенной.

– София Ивановна, как у вас самочувствие? Получше?

Зная, что художница недавно пережила инсульт, сожалел о ее здоровье, но как о руководителе небольшого художественного кружка, состоявшего всего из двух человек, собственно, ее учеников. А также и потому что она была дочерью известного художника.

– Да, спасибо, Михаил Митрофанович, лучше уже. У меня вот только просьба, Михаил Митрофанович, – умиленно вглядывалась скорее в форму начальника заключенная, – Олюшку цинга замучила, ей бы молочка парного, да хворь и должна бы отходить. Да и зря, я думаю, Михаил Митрофанович, ведь девчонка мается, муж ее арестованный, слышали, наверное, давно которого уж нет. Так вот...

– И откуда такие слухи, София Ивановна?! – Чунтонов пресек открывавшуюся фамильярность. – Ничего о муже ее я не слышал, – солгал Чунтонов.

– Но у меня для вас другая информация, Софья Ивановна, – начал мужчина.

Крамская стала вся во внимании. Форма обращения пусть и расположенного к ней начальника лагеря все же могла иметь тайный характер с нехорошим событием к ней.

– Двадцать восьмого февраля возбуждено ходатайство о пересмотре вашего дела. Из Минусинска пришел документ с запросом охарактеризовать вашу личность.

– ...что вы им сказали? – с опаской, помедлив, спросила женщина.

– Знаете, Екатерина Пешкова, видимо, оказалась заинтересована в вашей личности. Идите, я сообщу вам о заключении.

Начальник развернулся, надел фуражку и направился к стулу, где недавно сидел.

– Что еще? – спросил он стоявшую у порога и глядевшую на него в изумлении художницу.

– Идите, я вас вызову, – он снова деловито уткнулся в документацию.

Крамская, не преодолев желание настаивать на прощении своей подопечной, скрылась из кабинета.

Возвращаясь по дороге в дом, где жила, она словно перелистывала моменты своей прежней жизни. Бараки в Иркут-

ске, где ее сильно покусала охранная собака, сорвавшись с поводка. Крики конвойных, очернявших ее перед другими как вражьего человека. С ее-то любовью к российскому обществу.

То, что воодушевляло ее продолжать внутреннюю борьбу, вероятно, находясь в обществе таких же заключенных, как и она, бывшей интеллигенции, и неистовая надежда вернуться домой, до возвращения в родные места перед которыми оставалось два года. Суд принял решение отправить ее в ссылку на три года вместо пяти. Переезды, ночные недосыпания, работа в грязи, недоедания – все это отражалось на здоровье Крамской-Юнкер. Но воспоминания об уроках живописи, на которых с притворным нежеланием, София Ивановна понимала это только сейчас, отец учил ее рисовать, творить, располагали к жажде продолжать жить.

Находясь в заключении до перевода из политизолятора, с ней случилась большая неприятность, обломыш черенка лопаты сильно поранил усталую женщину, вызвав паралич, по причине ее плохой кардиологии.

В Иркутске она открыла для находившихся на госпитализации людей и персонала больницы свой талант, немного улучшив свое положение, впоследствии работая над иллюстрациями учебной периодики. После Иркутска ее отправляют в Канск.

Но в Канске художницу травмируют тем, что отрывают от заинтересовавшейся для нее искусства фотографии. Там бы-

ло решение ей передавать красоту природы, вдохновлявшую поэтов и прозаиков, переводя в информационное поле газет. Увлечшись, не выдержав конкуренции, София Ивановна вновь должна была этапироваться в дальние места. Подлечившись, и следующий конвой вел ее в Красноярск. Где она нашла единомышленников. Набравшись опыта и прозорливости под осенний прилив ухудшения здоровья, перешла к предприимчивой атаке попыток восстановить свою личность и вернуться на родину.

В ночь на двадцать первое сентября 1931 года София Ивановна, присматривая за больной Мартьяной, не спускала с нее глаз, пытаясь утешить, зная, что вылечить ту не удастся.

– София Ивановна, – с трудом говорила больная женщина, ей было около тридцати семи лет, – что вы так горячитесь за меня, пошли бы вы поспали, а я... – Болезнь не давала ей общаться.

– Спи, спи, любушка, немного осталось, сезон кончится – так выберешься, надо только врача толкового позвать, – успокаивала Мартьяну София Ивановна.

В доме туруханского лагеря было расположено несколько секций для ссыльных, но все они переплетались в один барак.

– Вот. София Ивановна, принесла, пусть попьет горячего, – к ним поспешила другая ссыльнокаторжная женщина.

К часу ночи немощная женщина заснула.

– Заснула, кажется, – заметила та, что принесла горячий

бульон.

Крамская. прижав ладони к лицу, устало потянула их вниз.

– Что же делать-то, Софушка? – спросила ее подруга по несчастью.

– А писать надо, жаловаться, мол, так и так, – раздался неподалеку от них женский голос.

Это была Пирогова, осуждена по политическим взглядам, как и Крамская.

– Кому? – безнадежно пронеслось от подруги Софии.

– А Луначарскому, мол, так и так. Вы у нас женщина представительная, – обратилась она к художнице, – всюду делающая пользу, для каторжников и начальства. Мол, свою ошибку принимаю и впредь обещаю не вмешиваться в политические дела, вот где-то вот так... Он же как-никак крутится в этих местах, да и нашу Софочку должен знать не хуже... – советовала Пирогова, однако сама не верила своим словам.

Здесь в ссыльном бараке, казалось, только самоличная встреча с личностями бригаантины искусства может дойти до их слуха. Пирогова Анастасия не призналась, однако, что была лично знакома с одним из служителей богемы, будучи возлюбленной одного из писателей. Обвиненная в шпионаже, она была сослана в иные места, не зная, что ее возлюбленный решил сохранить свою семью, стараясь как можно быстрее забыть о молодой подруге.

Наутро больная уже не подавала признаков жизни.

Для Софии Ивановны Крамской горя в этом не было, смерти она встречала уже много раз, провожая и не друзей, и подруг. Переэтапировавшись еще летом в Красноярск, к середине осени она поняла, что здесь творились свои порядки. А начальник лагеря или не знал или делал вид, что ничего не знает.

По слухам она знала, над одним из каторжан учинили свой суд. В одном из отрядов глава узников, прельщенный одним из старшин начлагеря³, этот случай по скрытию запаса золотых рудников вышел одним из ссыльников, в наказание невольника оставили на съедение комарам и мошкам, привязав того к дереву. Одно из изощренных наказаний. О таких наказаниях невыносимо было слышать и оставаться здесь.

Ухудшение здоровья давало о себе знать. София Ивановна не раз обращалась к лагерному фельдшеру, но из-за недостаточности медикаментов отчасти он разводил руками и предлагал больше принимать пищи и пить теплое, что никак не соответствовало ее положению. Лишь изредка, когда делала зарисовки или портреты семьям местного охранного подразделения, привезшим с собой жен, в частности из начальствующего состава, или сельчанам, те выручали ее, накормив хорошей едой. Софии Ивановне разрешалось передавать еду и ее знакомым каторжным. Конечно, Чунтонов об этом не знал наверняка, а если и знал, то опять же не подавал виду. И в соответствии с плохим здоровьем Крамскую-Юн-

кер не привлекали к масштабным работам на лесосеке, работе в ямах, на траншеях по строительству путей.

Все это хранило шестидесятилетнюю женщину до поры до времени. Влияние погоды в осенний период с участвовавшими дождями и моросью, холодом, необходимость хотя бы нормального питания угнетали художницу. Последний портрет репрессированной Марии Ицыной, сделанный в честь дня рождения подруги, дабы поднять ее настроение, казалось, уносил последние силы. Новый удар инсульта давал о себе знать. Приобретенный паралич обездвижил левую руку Софии Крамской.

В ночь на пятнадцатое октября она, собрав силы, тщательно продумывая каждое слово, принялась писать письмо на имя Екатерины Пешковой, бывшей жены Максима Горького.

Рыжик, так обычно называли друзья и знакомые маленькую дочь Ивана Николаевича Крамского Софию. Сам известный художник, портретист давал большее внимание своей дочери и стал уделять еще больше повзрослевшей. Ни много ни мало делая знаки внушения о продолжительности его творческого течения. К такому побуждению он пришел однажды, когда маленькая Софи впервые в пять лет взяла карандаш для набросков, предложенный художником.

Юная София Ивановна родилась в Петербурге, когда известность ее отца уже состояла среди столичной богемы. Сюда входили известные художники, писатели, актеры театра,

в будущем кистью Ивана Крамского были исполнены портреты четы императорского двора и ее родственников. Одним из друзей Крамского был поэт Некрасов. В то время Некрасов был редактором журнала, включавшего произведения как отечественных, так и зарубежных авторов. Навестив его однажды, уделив ему некоторое время, узнав о болезни, Крамской пишет его портрет. Некрасов постоянно отшучивался, не зная, что спустя три недели его не станет.

Болезнь дочери художника заставляет оставить затею о ведении Артели, включавшей передовых художников того времени, отдававших свою работу образу современности. Иван Николаевич, разжигая борьбу со структурой Академии художников, предполагает, что живопись его времени теряет черту графического образа. Считая, что нужно этим искусством не только превозносить государство, но и чтоб их работа приносила прибыль.

С таким подходом или с подходом признательности к личности художника семья Крамского переехала на семнадцатую линию Васильевского острова. Здесь все словно изменилось, продолжала бурно идти работа, появлялись новые заказы, портретистика, ретуширование, преподавание, часто чередуясь друг с другом. Крамской все чаще, уделяя внимание психологически графическим, живым портретам, как бы соревнуясь с все больше прогрессирующей фотографией.

Поддерживая новое продвижение, товарищество художников оставшихся после Артели, Крамской пишет замеча-

тельные портреты, в том числе в 1876 году он начал портрет своей жены Софии Николаевны, законченный лишь десятилетия спустя.

В этом же году начат и закончен портрет Третьякова и помещен в галерею этого мецената, у которого висело много работ знаменитого художника, в том числе выполненные под заказ самого купца-передвижника. Маленькая Софи, увлеченно забегая в мастерскую отца, старалась приметить работу отца. После смерти сына Крамского внимание, казалось, переносилось на дочь. Впервые Крамской задумал уделить девочке больше внимания и приобщить ее жизнь к искусству.

Ранним весенним утром – Иван Николаевич не любил поздно ложиться, вследствие чего рано вставал – в это день, занимаясь в рабочем зале, заметил свою дочку.

– Сонюшка, дорогая, – Крамской отложил в сторону кисть от заретушированного частью наброска будущего женского портрета.

Крамской часто рисовал по фотографии, придавая яркие оттенки будущей схожести заказчика или своего друга. Этим летним днем была начата работа жены основателя художественной галереи, Веры Николаевны Мамонтовой Третьяковой.

После недолгого отрыва от работы занявшись дочерью, Крамской предложил порисовать ей в который раз, теперь с любовью наблюдая за ее стараниями.

– Так, Софи, веди карандаш, не отвлекаясь от линии. Вот так...

Иван Николаевич, выставив на небольшой свободный треножник кувшин, предложил будущей художнице сосредоточиться.

Девятилетняя девочка росла спокойным, иногда упрямым, но понимающим ребенком, далее взрослея, она чаще проводила время с отцом, нежели с братьями. Ее подруги – дочери мецената и друга Крамского Третьякова видели маленькую Софию, редко принимая ее в свое окружение, великолепие нарядов девочек – скорее вот что объединяло малышей.

Девочка росла, обретая нежность и миловидность. Шестнадцать лет проявили в ней молодую особу в расцвете. К концу августа 1982 года солнечный день в Ясной Поляне тульской области был в самом своем естестве тепла, и казалось, лето еще наберет свои силы и осень придет намного поздней. Крамской решил провести последние дни этого сезона и подлечиться свежим дыханием природы, к чему подталкивал писатель и его друг Лев Толстой, пригласив с ним дочь и жену. Здесь он замышляет, воплощая по приезду домой, картину мужчины типичного образа приусадебной стороны. Здесь же и отметила шестнадцатилетие Софи. Дружелюбная с дочерьми Толстого, она была проникнута их взаимностью. Однажды прогуливаясь с Татьяной Толстой вокруг большо-

го пруда, заведя с ней беседу, у юной Софии вышел весьма трепещущий разговор с подружкой, которая была на три года ее старше.

– Не понимаешь ты, что такое *amour de tremblement*⁴. Это значит, дорогая, если попадешь туда, то трудно из этого состояния выйти, – Татьяна, поймав взгляд девушки, поняла, что речь ее ей не понятна, – я имею в виду, если *sentiments*⁵ окажутся нетвердыми... Впрочем, решай, конечно, ты уже сама девушка взрослая.

Дочь графа Толстого, отчасти желала помочь наставить впечатлительную дочь художника на путь, что касалось отношений между мужчиной и женщиной, но, несмотря на деловой подход девушки, она инстинктивно чувствовала, что терять силы на обучение весьма светской дамы, как Софии, делом бы являлось лишним. Татьяне был куда интереснее разговор с политико-общественным уклоном. Конечно, Софии это было неинтересно. Поэтому она отчасти старалась ухватить все поучения своей старшей подруги.

– Но как же дом, семья? Я думаю, каждая девушка положительного общества в свои подходящие лета имеет должно присматриваться к юным кавалерам. Потерять свою молодость, как в романе Пушкина, Татьяна, помнишь, в «Дубровском»?..

Татьяна и слушать не желала о произведениях как одно-

---

⁴ Любовная трепетность.

⁵ Чувства (фр.).

го из знаменитых драматургов и прозаиков, так и ком-либо, светская культура ее мало интересовала, разве что перечитывая романы своего отца, она вдохновляла его как человека, занимавшегося своим делом или увлечением.

– Пушкин, mon bien⁶, был светским щеголем и плебеем, он был артист своего призвания, не спорю. Но не переживай ты так, дорогая, – на лице Софи Татьяне показалась печаль, – в жизни может случиться все не так, как, например, в произведении, и зачастую!

– Я не переживаю, – задумчиво сказала Софи, в чем была откровенна.

Они еще долго гуляли возле пруда, дойдя до поляны, не засиживаясь на скамье, встретив лохматого веселого пса возле фермерского дома. Татьяна с удовольствием вошла с ним в антураж приветствий, потрепав псу за ушком. София по своей памяти делала наброски этой картины, но так и не воплотила на полотне.

Наступал полдень. На веранде усадьбы Льва Толстого обеденный стол, как всегда, был полон яств. Намечался приезд Репина, но он приехал только к вечеру. Остановившись в усадьбе, в течение последующих двух дней он несколько раз пытался выследить Софию Ивановну и только к обеду третьего дня своего пребывания в Ясной Поляне, найдя ее читающей в беседке, пригласил на всеобщий обед, так и не осмелившись сделать предложение под венец. В это время Репин

был женат, у него было четверо детей, но отношения с Верой Шевцовой последние года у них становились напряженными.

Так прошел еще один день. Стало холодать. София все меньше старалась выходить на прогулку.

Последний день вечерней трапезы был провожающим. Накрытый стол угощениями и вином, которое часто употребляли Репин и Крамской, делясь своими достижениями в области объединяющего их искусства.

– ...Илья Ефимыч, общая тема покаяния – вот что нужно сейчас России. Взгляните на ее холма, нивы. Все это предрасположенность, к чему нас природа заставляет задуматься.

Иван Николаевич без хвастовства продолжал давать уже не такие значительные для бывшего ученика советы Репину, но скромные наводки для художественного созидания.

Репин больше внимания уделял в своей жизни товариществу передвижных художественных выставок, возглавленному некогда Крамским. Период осмысления просвещения, как считал Крамской, был необходим сейчас не столько для сбыта в плане экономическом, сколь для осмысления идеологий и самой жизни, на все это он намекал в разговоре в этот вечер.

На небе появилось зарево, подул прохладный ветерок, жена Крамского закуталась в плед. София, заметив, что из детей осталась одна, поспешила покинуть веранду. Вокруг лампы, выставленной на столе стали, чаще ютиться ночные

мотыльки, похлопывая крылышками о горячую колбу керосинки. Разговоры, казалось, были закончены. Но по какому-то наитию собравшиеся люди не собирались оставлять друг друга.

Граф достал из жестяной шкатулочки сигарету, привстав, подкурил от лампы, висевшей над козырьком веранды, вновь сел в кресло.

– Швейцарская, – со сладострастием протянул он, хвастаясь, – прямо из Альп.

– Оставьте, Лев Николаевич? – подхватил его Репин. – Попробую.

Толстой кивнул, согласившись, вновь задымил.

– Ой, а вы знаете, Лев Николаевич, сколько было разноцветных ламп развешано на коронации Александра в Санкт-Петербурге?! – сказала жена Крамского София Николаевна.

– Да, – подхватил ее муж, – это называется иллюминация. Новое производство небольших ламп вроде этих, – он указал на лампаду, – но поменьше. Они светятся при помощи электричества, придумано кем-то из иностранцев, – блеснул знаниями Крамской.

Об этом ли не знать знаменитому просветителю и публицисту, однако об этом новшестве прогресса Толстому было мало известно. Он продолжал раскуривать сигару, откинувшись на спинку плетеного кресла, словно не замечая разговор. Репин, выгнанный со своего места надоедливými мошками и комарами, решил прогуляться по веранде.

Гости еще о многом говорили, в основном склоняясь к разговору о творчестве графа, что как бы оставалось напоследок.

До того как солнце наполовину сравнивается с горизонтом, оставались считанные минуты. Наконец, сигара перешла в руки Репина. Тот, приняв важный вид, сделал пару затяжек, но, не осилив третью, поперхнулся. Но сумел вернуть остаток сигареты прежнему владельцу.

– Будьте осторожны, голубчик, – заметила Софья Андреевна.

Она хотела помочь художнику, но тот жестом сделал отказ в помощи.

– Не нужно, кхе-кхе, Софья Андреевна, – лицо Репина словно накалялось, – кхе-кхе, не стоит беспокоить, – выдавливал он каждое слово.

– Запейте, – предложила жена Толстого, налив из кувшина морс из морошки в пустую чашку.

Граф, наблюдавший за этой картиной, приняв из рук художника остаток сигареты, сделал пару затяжек и затушил в рядом находившуюся с ним пепельницу на вязаном коробе. Пепельница была отмечена еще двумя давнишними небольшими сигаретами, давая предположить, что Толстой редко курил.

Разрядить ситуацию предложил все тот же религиозный мыслитель, который, собственно, и наталкивал на создание очередных произведений обоих художников.

В последующем Крамской будет прерывать религиозные полотна ретушированием картин или заказами. Репин глубокомысленно уйдет в их созидание.

– А что, Иван Николаевич, ваша дочка София? Вы как-то обмолвились, что она неплохо рисует... – спросил граф.

Он попросил жену взглядом налить в кружку чая. До этого увлекаясь вином, он решил под завершение вечера так закрепить ужин.

– О да! Сонюшка делает весьма значительные успехи, Лев Николаевич, – воодушевлено отозвался Иван Николаевич.

И казалось, о дочери он будет рассказывать теперь все оставшееся время.

– Я вот помню, – уходил он в воспоминания, – еще каких-то десять лет назад маленькая рыженькая Сонечка пыталась вывести кувшин с мимозой на бумаге. Я объяснил ей начать сначала с простейшего материала, ну это она сразу поняла, потом...

– Потом, – Крамской, закинув руки за голову, откинулся на спинку декоративного стула, – пошли цветы, люди... знаете... – оживился портретист, на нем засияла улыбка. – Год назад я предложил Сонечке сделать изображение на вольную тему. Так она выбрала меня... Решила нарисовать мой портрет. Ну, ей, конечно, это не удалось, а она была дерзнуть сразу на холст. – Портретист ухмыльнулся. – Начало было неплохое, но грань штриха... – художник задумался. – ... Я посчитал, что портрет не получится, в общем, я сам сделал к

нему набросок, решил изобразить Сонечку, но потом передумал и не стал выводить ее из какого-то начала. Ну, получился просто портрет девушки.

– Думаю, у нее еще получится, – произнесла София Николаевна.

– Несомненно, дорогая, – подхватил свою жену Крамской. Часть солнца уже зашла за горизонт. Через густой парк, наполненный хвоей, лучи светила, пробиваясь сквозь стволы деревьев, создавали умиротворяющее состояние. Репин не мог больше сидеть, убивая на себе комаров, первым покинул веранду. Он скрылся в комнате усадебного дома. Затем пришла прислуга и принялась убирать со стола. В парке послышались редкие трели ночных птиц, в траве перестали трещать кузнечики. Гости собирались ко сну, покидая застолье.

Санкт-Петербург принял чету Крамских, вернувшихся из Тульской области, серо. В столице России с утра не задалась погода. Мелкий дождь с перерывами играл с прохожими, которые, в свою очередь, пытались скрыться в проезжавшем мимо дилижансе или под сводами козырьков подъездов домов. Жена и дочь Крамского еще несколько дней вспоминали чудесные дни в Ясной Поляне. Сам Иван Николаевич ушел в работу, как ни в чем не бывало в повседневные занятия, в основном занимаясь заказами.

Осенью, в начале сентября, Софи, которой исполнилось уже шестнадцать лет, в этом году давно желала найти себя

в обществе, заняться по какой-либо специализации, наконец, пройти поступление в один из вузов. По давнему знакомству и из дружеских отношений предложение Крамскому поступило от лейб-медика императорской семьи Сергея Николаевича Боткина, сын которого, не раз посещая выставки русских передвижников, был знаком с искусством известного портретиста, а также имел несколько начальных уроков до поступления в военную медицинскую академию. Отчасти Сергей Боткин имел заочное знакомство с дочерью знаменитого художника, точнее, с ее портретом девушки, нарисованным карандашом и представленным его отцу как одна из случайных работ мастера.

В один из сентябрьских дней Сергей Боткин встретил у парадной военной академии, куда был зачислен после Санкт-Петербургского университета, молодую особу. Молодой человек должен был сопровождать ее, как знаток учреждения, куда собиралась поступить дочь Крамского.

По проулкам Васильевского острова созерцать сошедший с портрета образ для Сергея было большим впечатлением, чем просто детский весьма наивный, но милый взгляд девушки.

Поднявшийся однажды ветер со стороны Невы, где молодые люди не раз прогуливались по предложению Крамской, залетел в полы ее шляпки. Сергей поспешил закрыть собой юную особу. В этот момент их взгляды встретились.

Сергей Сергеевич Боткин весьма сдержанных правил мо-

лодой человек, но в ранние лета не имел важного значения во взаимной зависимости отношений, как ни казались они ему сложенными. Слава и доступность легких знаний делали из него щеголя с нравственным уклоном.

Желание притяжения к губам девушки не могло остановить ее спутника. Лишь целомудренность юной Софии преврала зарождавшуюся страсть.

– Вы, Сергей Сергеевич, очень интересный человек, – с трудом сквозь порывы желания ответить взаимностью молодому человеку произнесла девушка.

Юноша в этот день, послушавшись, оставил эту затею, впрочем, интерес к этой приятной наружности девушке у кадета не исчез.

Вернувшись домой под вечер, наутро следующего дня София Крамская поспешила с новостью о предложении Боткина о замужестве, на этот раз к Софии Николаевне. В прошлый раз, посчитав, что ею завладели чувства, она поделилась в первую очередь с отцом, но перед фактом о созидании семьи, как и все девочки царского времени, связанные в отношениях с молодыми людьми доверяют только матерям. В этот же период состоялся общий разговор между ней и дочерью Льва Толстого о ранних браках.

София Николаевна также предложила все обдумать, не спешить с действиями.

Наконец спустя трое суток в мастерской Ивана Крамского появились две барышни. Субботний день был ничем не

предзнаменован для портретиста, кроме того, что он выполнял заказ одного из деятелей театральной артели.

– Папа... – проговорила дочь.

София вместе с Софией Николаевной держались порога рабочего помещения художника.

– У нас новость, – девушка переглядывалась с матерью, как бы предупреждая о том, что сама озвучит известие.

София старалась укрыть свое счастье.

– Да, дорогая, – Крамской единожды отвлекся от работы, вернувшись к делу, вновь обратил внимание на часть его семьи.

– Что? – не понимал он. – У нас праздник какой-то?

Он притворно задумался, подыгрывая настроению дочери.

– Нет, то есть да... – не осмеливалась София.

– У нее помолвка, с Боткиным. Сергеем, – помогла ей София Николаевна.

Крамской, державший в это время остроконечную кисть, пытался сконцентрироваться на новости.

– Вот как?! – воскликнул он.

На лице Крамского не угадывалась ни радости, ни сожаления.

– Ну и отлично! – в голове он старался не терять приход вдохновения фотографической карточки от начавшего портрета.

– Ну, мои вы хорошие, а сейчас мне нужно закончить

портрет Ленского, а то я ему и так задолжал по дням, – сказал он, вновь стараясь попасть в точку линий.

Шестнадцатилетняя Софи, утвержденная, казалось, мнением своей подруги Татьяной, все же в свои молодые годы никак не хотела сочетать в себе грусть и печаль или разочарование, о котором ничего не знала. И даже скептический взгляд ее подруги, одной из дочерей купца Третьякова, сдержанной как скала, не разбивал ее мнение о повседневной жизни.

Софи Ивановна Крамская продолжала заниматься живописью. Единственная попытка автопортрета под ее рукой возникла не раз у девушки. Но порыв увековечить себя именно там, где, как показалось, был ее пик счастья, возник именно в середине сентября, когда помолвка с молодым, интересующегося и подающего знания в области живописи человеком совпал с ее мироощущением.

Для начала это был Аничков мост... Аничков дворец должен, по мнению Сони, обязательно сочетаться как заключение некой сказки из рассказов Шарля Перо. «Ну и что ж, что она не Золушка, зато она умна, обаятельна и станет обязательно отличным преподавателем после курсов в университете, как и ее будущий муж, прошедший столичный университет», – думала она, уже заранее располагая себя к воспитанию молодых девушек, в школе девиц при Смольном которую частично посещала ее подруга Александра Третьякова.

Однако никак не получался образ. Конечно, это должна

быть не осень, быть может, это лето? Или последние дни весны?! Но как же представить себя, счастливую, и даже удивить жениха? Те рисунки, что были сделаны ею ранее, она желала скрыть. Отточив на них мастерство, явить пусть возможно единственный, но шедевр, покорив окончательно своего друга.

Начиная однажды портрет отца, она вспоминала, как правильно вести карандаш. В заготовке. Здесь должен быть поворот, а здесь должно быть начало соприкосновения с последовательно идущей линией, и это лишь для начала рисунка. Предстоящая свадьба никак не наводила на сосредоточенность, а это самое главное в творении чего-либо, как говорил ей отец.

Однажды в мастерской за раздумьями застал ее Крамской.

– Моя дочурушка сама творит?! – с притворным интересом, но радостным тоном произнес Крамской.

Девушка не ответила.

– Так не о чем, – София свернула свою работу.

Ее голова скорее была занята городской модой, занятиями в университете, что так же никак не принимались с ее мировосприятием. Ее образ будущей картины переплетался с последним из нарядов, девушка из высшего света в плетеном кресле, которое ей нравилось в Ясной Поляне.

София пыталась принимать работы от заказчиков отца, но в скорее ей удавалось ретуширование, чем схожесть с порт-

ретами друзей или знакомых.

– А я хотел бы начать твой портрет, – кокетничая, как отец с дочерью, произнес Иван Николаевич.

– Вот, – он указал он на один из пустых мольбертов, – здесь будешь ты потом и твой жених. Кстати, как он тебе?

Девушка пожала скромно плечами.

– Неплох, умен, sentimental.

Близились глубокая осень. Боткин Сергей не раз бывал в гостях у Крамских. За распитием черного байхового чая, за разговором он нежно обнимал Софию Ивановну, один раз поцеловал в щеку. Там однажды Софи призналась возлюбленному, что отец ее пишет портрет будущих молодоженов. И оказавшись однажды в мастерской мастера, молодого человека весьма заинтересовал портрет молодой особы, но не как воздыхателя, а как почитателя живописи.

– Иван Николаевич, это прекрасная работа, Софочка на ней как живая! – сказал Боткин и оглянулся на подругу, как бы соразмеряя нарисованное изображение с оригиналом. Было едва заметно, что художественная работа прельстила его больше. Он не знал, что поодаль у окна был начат его портрет, переданный чете Боткиных позже в качестве обычного безвозмездного презента.

Следующая встреча помолвленных молодых людей состоялась в семействе самого императорского лейб-медика Сергея Петровича Боткина. Его сын без желания пригласил в гости к своей семье юную девушку. Поистине они выглядели

скорей друзьями, нежели теми, которые должны были скоро пожениться. Сергей Боткин весь вечер коротал больше в обществе своей семьи, практически не замечая невесту. София скромно сидела у края дивана, лишь изредка делала глотки из кружки душистого напитка, завезенного братом Сергея Петровича из новой поставки чайного листа. Дмитрий Петрович Боткин занимался чаевым предпринимательством.

– ...И вот, представляете, точь-в-точь, это поразительно! – Боткин бросил взгляд на девушку, как бы вновь оценить разницу между холстом и действительным образом.

– Я знал... мне говорили... да я и сам видел некоторые работы Ивана Николаевича, но этот вариант бесподобен, и четкие линии, и взгляд... – он обернулся на подругу, подарив ей, наконец, улыбку, подавая знак, что помнит ее, – Софы. Это поразительно.

В этот день брат Сергей Петрович, заехавший к ним обговорить некоторые деловые стороны, оставшись на вечер к ужину, предложенному женой Боткина, согласился остаться до утра.

– Ну вот и отлично. После свадьбы портрет можно на чаение продать, даже знаю кому, Третьякову, он такие вещи любит, я знаю, я пять лет в художественном обществе. Без промедления возьмет. Да и Софии Ивановне приданное будет неплохо.

Дмитрий Боткин уже употребил две чарки водки, предложенной ему Екатериной Алексеевной.

– А нет... Я возьму, – добавил он.

– Дмитрий Петрович, еще чарочку? – предложила Боткина.

– Ээ, нет, милейшая, третью я всегда тока на посошок, ну, если больше не планируется, – пошутил Дмитрий Петрович.

Все, кто был за столом, из гостей подхватили его шутку, посмеявшись.

– А ведь и впрямь, если обратиться сейчас к Третьякову, Софочке приданное какое-никакое будет? – предположила жена Боткина.

– Да что вы? Что Иван Николаевич такой бедный человек? Согласен, быть может, у них не так сейчас с заказами или работой, но ведь он почтенный человек и дает частные уроки, – вступил в полемику брат жениха.

– Да что вы, мы никогда не считаем Софи... – остановилась новая жена Боткина.

Она хотела объяснить о финансовом положении Крамского по сравнению с положением их семьи. Крамские считались для Екатерины Алексеевны не первым планом света, скорее схожим с мещанством, – просто... мы любим ее как свою.

Жена Боткина, кокетничая, улыбалась, стараясь выдать из себя всю собранную искренность. Она относилась к ней лишь как к дочери известного художника.

– Завтра же, пока я здесь, поговорю с Третьяковым. Ну а кто же все-таки из нас станет в будущем медиком Его Вели-

чества, а? – изменил тему Дмитрий Боткин.

С дружелюбным заискиванием поглядывал он на сыновей своего брата.

– В общем, я могу устроить по окончании вашей учебы так, чтобы вы вошли в строй его императорского двора. Александру требуются толковые военные медики и *ученые*... – подчеркнул он последнее слово.

София Крамская все это время практически не произнесла ни слова, лишь когда нужно было что-то подтвердить, скромно подбрасывала редкие одобряющие слова.

Провожая невесту до ее дома, Боткин все так же влюбленным взглядом прощался с ней, оставшись наедине с собой под упоительный темный вечер тихого проулка Санкт-Петербурга. Снова заморосил дождь, и остановив свободно идущий дилижанс, Сергей Боткин отправился обратно домой.

Несколько дней прошло, прежде чем портрет Софии Ивановны Крамской занял свое место на стенах мецената Павла Третьякова. Трудно решить, кто больше ходатайствовал между собой: жена Сергея Петровича Боткина или же его брат, или же кто-то из его сыновей, внеся лепту в историю их семейства. Но об этом знал весь Петербург, кто хоть как-то был знаком с искусством живописи. И том дне было известно точно всем Третьяковым, Боткиным и Крамским.

Проходя по отделениям помещения, снятого на весь этаж выставочной галереи Третьяковым, со сдерживающим

нетерпением двух сестер Третьякова из троих, кроме Александры, вошли они во вторую часть дома. Портрет Софии моментально остановил девочек. Взрослые, кроме Крамского и его жены, в это время их не было, художник был занят творением в мастерской. Здесь присутствовала дочь портретиста с женихом. Третьяков с женой. Каждый имел свою речь. Кто сравнивал, кто удивлялся. Тактичная девушка Александра не без знаний манер светских дам изъяснила также свое мнение, она была знакома с Софией еще с детства.

– Ну, Софочка, ты тут хороша, ничего не спору, – сказала она, сравнивая портрет с оригиналом, – а была такой невзрачной, маленькой, с ежиком вместо волос, а теперь посмотрите, пряма, стройна, приятной внешности дама, прямо *aspect agreeable*⁷, – улыбалась старшая дочь Третьякова, выражая ей искреннее дружелюбие. Под ее обаяние сдержанной улыбки попал Боткин. Сергей подхватил улыбку Александры, поддерживая дружескую критику дочери мецената.

Минуло бабье лето. Казалось, что называется, начался сезон дождей. Столицу Российской империи буквально залило дождем. Спускались сумерки, лил дождь, отчасти переставая по ночам, под утро вновь заливая вымощенные дороги и тротуары. У Софии с Боткиным подходили последние дни помолвки.

Но однажды София, вернувшись с занятий, сделал

---

⁷ Приятной внешности (фр.).

несколько важных дел, улеглась на диване в гостиной. Мимо нее прошел отец.

– Доча?! – спросил ее, остановившись на полпути, следуя из мастерской, – что-то случилось?

Переживал Крамской за дочь. София решила в этот момент выпрямиться, чтобы отвести от себя прискорбное настроение, отнюдь не связанное с ненастной погодой. Но уже за окном лучи просветляющего неба освещали бордовый тюль, на котором высвечивались узоры из золотистой нити. В этот момент к ней на колени прыгнула кошка по кличке Соня, и девушка осталась на месте. Крамской внимательно стал всматриваться в опечаленное лицо дочери.

– Соня? Доча? – пытался он достучаться до тайных мыслей ее. – Что случилось с моим рыжиком, а? – по старинке с наигранной серьезностью, но преданной любовью спросил он.

Когда Софии было пять лет и ее можно было подкинуть на руках, дабы отвести скуку либо обиду, это срабатывало. Тут же на детском личике появлялась улыбка, и печаль будто снимало. Но сейчас это был взрослый человек и даже почти замужняя девица.

– Ничего, папа, – она улеглась на диване задумавшись, слегка почесывая за ушком котенка, – все нормально.

Маленькая кошечка заурчала.

– Все хорошо? – Крамской сделал притворный вид, что поверил, но внутри он чувствовал, что что-то неладно. Что-

бы не задавать лишних вопросов, в этот момент в его голове рождалась невероятная идея, как поднять настроение дочери.

– Подожди! – он посчитал, что Софи могла долго не оставаться на своем месте. – Останься здесь. Я кое-что... Ты понимаешь, что я могу сейчас сотворить с таким вот фоном?! Я... я вижу твой портрет!

Он тут же исчез с гостиной и появился с альбомом и простым карандашом в руках.

– Так, рыжик, не двигайся. Вот так...

В этот момент мимо них прошел Анатолий, средний сын Ивана Николаевича. Отчасти любитель колкости и подтрунивания над сестрой на этот раз прошел мимо, заметив туман на лице сестренки.

– Рисуете, па? – спросил он.

– Ага, – сказал художник, пристально срисовывая образ с дочери.

– Так, так... – повторял он, скорее подбадривая дочку, чем действительно был увлечен поиском нужной черты для будущего портрета.

В комнате появилась Софья Николаевна, ей хватило несколько минут, чтобы понять все и, не кривя положением, обнять свое покинутое дитя. Она присела с дочерью, прижав к себе, котенок выпрыгнул из рук девушки. Софи незаметно заплакала. Иван Николаевич понял, что дочка под присмотром, поджав губы, показав сожаление жене, встретив ее под-

бадривающий взгляд, удалился в мастерскую, там находился еще не законченный портрет Боткина Сергея, несостоявшегося жениха Софи.

– Мама. Ну почему, ну почему он так со мной поступил? Я что, некрасивая? – спрашивала София скорее себя, чем свою мать.

Она посмотрела в глаза матери, та улыбалась ей, встречая ее материнской заботой и поддержкой.

– Ну что ты, дурочка. Ты у меня самая прекрасная на свете девочка, и ты моя дочь, – успокаивала ее София Крамская, – вот увидишь, все будет хорошо и прекрасно.

– Это Сергей тебя обидел? – решила спросить она.

София снова приподняла лицо от груди матери, посмотрев на нее, и вновь прижалась, обнимая ее.

– Да, – сказала она тихо, – я видела их сегодня. С Сашей Третьяковой. Я решила его встретить возле академии, мы давно не виделись.

– Ну, дорогая, это еще не повод обвинять парня, мало ли что... – старалась успокоить ее София Николаевна.

Девушка поднялась. У нее было заплаканное, но невозмутимое лицо, казалось, детство ее в этот вечер прошло, темные волосы ниспадали до самых плеч. Волосы, которые она так старалась отращивать после болезни. И ниспадающие локоны, которые любил, глядя, убирать ее жених. Она вытерла слезы.

– У них была любовь, мама, – утвердительно прозвучало

из уст Софи.

– Ну, это всего могло лишь быть... – не сдавалась София Николаевна.

Софи помотала головой, она уже приняла решение.

– Пусть выбирает Сашку, мне все равно... – сказала она, поднимаясь с дивана.

– ...недоразумение... – закончила Крамская, провожая взглядом дочь, сама уже сомневаясь в своих словах.

– Ну, ничего, пусть выбирает, кого желает. Нам они не нужны, вон их братьев сколько.

– Мама... Я никого из них больше выбирать не буду. Я закончу год и поеду к Татьяне в Ясную Поляну, там мне больше нравится.

София Николаевна внимательно вслушивалась в слова дочери.

– Ну и правильно, – она в любом случае желала подбодрить ее, – об этом всем можно и забыть. Пойдем пить чай в гостиную.

Девушка согласилась.

Квартира Крамских располагала несколькими комнатами. Самая большая была для мастерской художника, две малые отведены под детские, две гостиных, одна для встреч, другая для семейного отдыха. Крамской любил делать все на свой манер и снимать квартиру, которая бы не прижимала его творческий потенциал.

Вскоре портрет Боткина был закончен и передан семье

Боткиных в знак обычного знакомства среди знаменитых людей. У Софи не было злобы на Сергея, скорей переживание и осадок предательства, перерожденный в комок недоверия к молодым людям, тяготивший к сосредоточению над учебой.

Спустя две недели Крамским был закончен портрет девушки с изображенным на нем неподдельным чувством уныния и безразличной меланхолии, где скрашивает ее тоскливое чувство настроение ко всему лишь домашняя кошка.

София Ивановна больше не посещала ни одной выставки Третьякова, ни даже Боткина Петра, дяди Сергея Боткина.

Вскоре позабылись все переживания, однако Софи никак не могла забыть порванные отношения с ее женихом. Пара зимних бессмысленных встреч на набережной возле Аничкова моста, одна из которых была случайной, никогда уже не могли вернуть ее прежних чувств.

Однажды получив письмо от Боткина, она долго держала его под подушкой, но, так и не прочитав, отложила его в долгий ящик.

Наступил 1883 год. Была весна. Засиживаясь за трапезой в семье Крамского, Иван Николаевич вдруг более обратил внимание на состояние дочери.

– Софи, ты хорошо себя чувствуешь, дорогая? – спросил он.

– София, тебя отец спрашивает, – сказала ее мать.

София словно вышла из внутреннего оцепенения. Она

глубоко всматривалась в стол возле остывающего чая. Ее взгляд, минуту назад поникший, был внезапно изменен счастьем и радостью.

– Что?! Нет, что вы, все хорошо... – сказала она.

Чета, поужинав и словно оживившись под настроение дочери, разошлась по своим делам.

За период с весны по осень Крамской все больше стал возвращаться домой понурым, усталым. Он редко участвовал в собраниях художников. Не давал уроки мастерства, все больше останавливаясь над созиданием новых работ, в которых сказывался отпечаток философии и раздумий.

Застав за попыткой закончить начатый его дочерью портрет под рабочим названием «У Аничкова дворца», Крамской обнаружил Софию в раздумьях. Она никак не могла решить, откуда начать продолжение автопортрета. Радостной себя она уже не представляла. Лето оказалось зимой, дворец никак не хотел выявлять четкое изображение.

– Вот так, можно начать отсюда, – незаметно подошедший Крамской взял из рук дочери кисть.

– Давай помогу, – предложил он ей.

Но портрет не получался, тогда Иван Крамской взял это дело в свои руки. Шли дни. Постепенно стали появляться черты молодой девушки, Софи предложила вместо шикарных волос, как когда-то задумывала она, покрыть голову шляпой *a la Francisco*. Ее зимняя шуба в этот день продолжила тему фона зимы, темно-синего цвета, она отобра-

жала состояние Крамского. Одев героиню, Иван Николаевич задумал слегка изменить образ дочери, сделав ей надменный взгляд, как подобало бы независимой молодой девушке, дабы показать перед всем миром, что у нее все хорошо, все замечательно. Портрет Софи делался трое суток, на четвертые его дочь, которая на это время в очередной раз пыталась оставить художественную школу при университете, отчасти не узнала себя.

– Папа, – спросила она, тихо стоя перед мольбертом, – а что ты имел в виду, когда рисовал вот этот браслет?

Она указала на украшение на кисти левой руки.

– Да так, – слукавил Крамской, пожав плечами, – просто...

В самом деле, его кисть так и просила украсить тогда безымянный палец дочери свадебным кольцом при создании ее портрета во время помолвки. Но сейчас он облачил руку образа по новой тогдашней моде в «шведскую» перчатку темного цвета. По этикету колористики обозначений в светской моде черный цвет являлся как бы траурным, его надевали вдовы, желтый тон означал праздничный. Софи не обратила на это внимания, ее привлек только золотой браслет.

– Ну, здорово, почти похожа. Ты выставишь ее на выставку, па? – спросила она.

Крамской по совести своей считал расторгнутую помолвку между сыном императорского лейб-медика и его дочерью не то чтобы чем-то прискорбным или обидным, но все же

душа его была в некотором смятении.

– Почему бы нет, дорогая, – казалось, он брал этой картиной реванш перед обществом, что касалось высшего света, а именно тех, которым он так честно еще недавно «утирал нос». В его голосе скорей звучал вопрос, он сказал с опаской, не желая категоричности Софии.

София Ивановна отчасти не разделяла его холодного отношения к свету.

– Пусть будет, – безучастно произнесла она.

– А нас Соней ты тоже выставишь? – спросила София.

Ее настроение изрядно улучшилось, на лице появились улыбка и скорей заискивающий, чем вопросительный взгляд.

– Конечно, – сказал он обрадованным голосом, – моя дорогая.

Он обнял дочь и поцеловал ее.

Через год София все же окончила курсы в университете, но с окончательным решением о поступлении на художественный факультет она не спешила. Летом вместе с отцом и средним братом они посетили Ментон на юге Франции. Это было необходимо для поправки здоровья Ивана Николаевича, и Софи надо было адаптировать свои умения в художественном искусстве. Умиротворенный небольшой городок являлся наилучшим для этого местом.

Вернувшись на родину, по приглашению мецената столичной галереи Третьякова, оставленного в доме художни-

ка, пока тот отдыхал за границей, Иван Николаевич вновь приобрел популярность среди тщеславия городского бомонда. Он «парил» среди нового признания мастера. Но в последние свои года Крамской все же не был тем человеком, который будет воспринимать похвалу как ступень развития к высшему обществу. Теперь нет. Иван Николаевич будет сдержанным и лишь иногда принимать почтение людей как оценку его творениям.

Но ранее в один из прекрасных весенних дней на стенах Третьяковской галереи появилось нечто новое, что как нельзя лучше описать обновление картин в коллекции Третьякова Павла Михайловича.

– Кто это? – спрашивал его Третьяков, когда Крамской известил о его новом творении.

– Меня больше интересует, Павел Михайлович, что мне делать с этим...

– Что вы имеете в виду? – не понял его меценат, внимательно сосредоточившись на художнике, стараясь угадать его мысли и вовремя дать правильный ответ. Он не желал расстраивать маэстро и своего друга.

– Сейчас, должны подвести, – сказал Крамской.

В его душе словно все кипело, после того как он заметил высоко оценивающий взгляд основателя всемирно известной галереи над законченным недавно портрета его дочери с видом Аничкова моста.

– И все же, Иван Николаевич, прошу вас, откройте секрет,

кто эта замечательная девушка. Странно, она мне кажется знакомой... – задумался Третьяков.

Крамской не дал ответа, он был уклончив, сделав вид, что не может об этом сказать. Третьяков не стал настаивать, дабы не ущемлять мастера.

– Считаю, надо будет поместить ее в передний зал, там меньше людей задерживаются, – открыл он секрет своему другу, – Прокопий... – позвал он прислугу.

Спустя пару часов подвезенная, как и было обещано Крамским, картина была обозначена собирателем произведений как «Девушка и кошка» и появилась на стенах галереи. Однако через пару дней была снята. Как пояснял об этом сам Павел Третьяков, из-за отсутствия сочетания ряда коллекции.

***

К одиннадцати утра в кабинете начальника СибУЛОНа 23 марта 1932 года было сильно задымлено от постоянно менявшихся одна за другой сигарет, Чунтонов, огорченный отказом лично побывать в Москве, в последнее время старался все сменить свою позицию и любым способом доказывать свою непричастность к бездеятельному отношению партии. Его не случайно назначили начальником лагеря, понизив в должности. Дверь открыли. Внутри его кабинета зашла девушка двадцати трех лет, так же сосланная по той же статье, что и София Михайловна Крамская-Юнкер, обвиненная в

контрреволюционной пропаганде.

– Гражданин начальник, вызывали? – робко спросила она.

Чунтонов не спешил отрываться от бумаг, в которых что-то писал. Наконец он поднял лицо.

– Скороходова? Я же просил Крамскую зайти, – удивился он.

– Не может она, гражданин начальник, прихватило же-нушку, – пояснила с умиленным взглядом ссыльная.

– Что опять?! Эх... – Чунтонов снял фуражку, пригладил волосы, вновь водрузил головной убор.

– Тогда передай ей, чтобы готовилась к выезду в Ленинград, – Чунтонов, словно что-то ища на столе, поднял взгляд на женщину, – домой поедет...

Он снова вытащил из столового шкафчика сигарету и закурил.

– Ой! Неужели... – девушка хотела прославить небеса, но опасалась упомянуть о религиозной вере. – Батюшки, неужели, Михаил Митрофанович... – назвала она по имени начальника и тут же осеклась, поняв, что перешла грань субординации положения. Чунтонов пристально посмотрел на нее.

– Давай, давай, Скороходова, поживей, – поторопил ее мужчина в форме.

Весть о том, что художницу должны освободить, обошла оба барака. Скороходова бегала в госпиталь, находила нужные лекарства, снова возвращалась на зону, чем могла помо-

гала своей учительнице и подруге Софии Ивановне. Через неделю после отъезда Софии Ивановны к ее попечительнице применили высшую меру наказания. Это дело было недолго соорудить, кто-то из завистников обвинил ее в хищении необходимых медикаментов, а Крамская в это время уже была у себя на родине.

София Ивановна Крамская-Юнкер к полудню уже переступала порог дома, где продолжал снимать квартиру ее брат, на биржевой линии, работавший в то время в министерстве финансов департамента железнодорожных дел. Ему разрешили остаться в своей квартире, но одна из комнат была занята другой семьей, старший брат Николай съехал отсюда еще в 1910 году. Здесь все изменилось. Были сменены обои во всех комнатах, по коридору пробежал чей-то маленький мальчик, остановившись, рассматривая пожилую женщину. Девушка, одна из сожительниц квартиры, которая открыла дверь художнице, поправила вошедший в моду повязанный, как шляпка, платок со связанными уголками назад и вышла из квартиры. Софья Николаевна, окликнутая девицей, женой брата, удивленным взглядом всматривалась в лицо золовки. Из комнаты появился мужчина шестидесяти лет.

– Софья?! – произнес Анатолий.

София Ивановна, взглянув на брата, едва разрешила отодвинуть уголок губ, улыбка не получалась. Она еще до сих пор сознанием была еще там, в лагере. Домашний запах вме-

сто прокуренных и тухлых стен барачков ударил в голову.

– Толя, что с ней?! – брат с сестрой не успели признать друг друга.

За два года отсутствия сестры за делами Анатолий практически не замечал, что Софии нет. В то время, что Крамская отбывала в местах далеких, ее квартира стала занята другими квартирантами, и ей пришлось вернуться в место ее детства и отрочества.

Обессилено спадающей женщине в прихожей, приведя в чувство, родственники помогли перебраться на стул, принесенный маленьким мальчиком. Жена брата попросила его. Придя в чувство, София Ивановна объяснила, что ее направили сюда жить. За ее здоровьем необходимо было наблюдение, но и она обещала помогать жильцам.

К лету София Ивановна Крамская чувствовала себя лучше, старалась давать уроки по художеству маленьким ребятишкам, чем приводила в негодование жену Анатолия.

– Ну, Соня, – говорил он жене, – понимаешь, я не могу ее выпроводить, комитет заставляет содержать ее, пока она не вылечится, а там, когда все будет хорошо, ее поместят в лазарет для заключенных, – успокаивал он жену.

Шло время. За те дни, что шестидесятилетняя женщина жила у своих родственников, все реже появлялась на улице и последнее время проводила в постели. Лишь иногда, ощущая недовольство со стороны квартирантов, она пыталась найти в себе силы, чтобы помочь брату. София Иванов-

на все больше жила скорей воспоминаниями последних лет, что ей пришлось пережить, нежели теми, где она чувствовала уравнивание, контроль над существующим положением. О картинной галерее она уже и не вспоминала и даже скорей забыла, где еще юной, полной надежд и любви, вырисовывался помещенный ее отцом портрет его дочери. По другую сторону галереи был совершенно другой портрет, скрытый от понимания общества, под названием «Незнакомка».

Однажды попав на выставку, Иван Крамской, представляя свой новый шедевр, заметил в коридорах выставочного зала своего друга, до всего любопытного актера Александрийского театра Самойлова Василия Васильевича, которого, собственно, и пригласил в этот раз.

– Дорогой Иван Николаевич, – начал издалека его друг, когда, заметив его в фойе, приблизился к нему.

Самойлов отчасти также занимался изобразительным искусством. Он взял художника за руку и попытался изобразить проникновенное чувство, как к коллеге.

– Мне-то ты можешь признаться... Да кто же это, в самом деле, у тебя нарисован, – он выпрямился, лукаво сощурившись, пытаясь быть вкрадчивым к товарищу. – Слышал я, этой молодой особой является некая Варвара, фрейлина императрицы?! – сказал он вполголоса.

Крамской устало улыбнулся. Он даже не хотел представ-

лять, как мог бы объяснить человеку, кто является прообразом его картины городской модницы с надменным выражением лица на фоне зимнего городского пейзажа. Выдержав паузу:

– Просто незнакомка, – сказал он.

В 1933 году Софья Ивановна Крамская-Юнкер скончалась от нервного срыва, за трое суток до этого поранившись при чистке рыбы и получив инфекцию.

Для изготовления обложки использована художественная работа автора